

«Умирать в конце войны совсем не хотелось»

О СВОЕМ БОЕВОМ ПУТИ И МИРНОЙ ЖИЗНИ
РАССКАЗЫВАЕТ ИЗВЕСТНЫЙ ХИРУРГ ИВАН НОВИКОВ

Прошло почти 70 лет, когда «майскими короткими ночами, отгремев, закончились бои», и самым молодым друзьям-однополчанам уже под девяносто. Мой собеседник, Иван Федорович НОВИКОВ, свой юбилей отметит в сентябре, хотя это не совсем так — лишний год он себе приписал, чтобы попасть на войну.

— Где вы встретили войну?

— В Крыму четырнадцатилетним подростком. Отец и старшая сестра были сразу мобилизованы в Красную армию, а я с мамой и младшим братом остался в селе, которое в октябре 1941 года уже заняли фашисты. С ними пришел и «новый порядок»: сразу назначили старосту, открыли приемный пункт, куда нужно было обязательно сдавать мясо, молоко, другие продукты, то есть свой продналог установили. В нашу хату на постой определили солдат Оле и Карла, бывшего учителя. Так получилось, что последний спас мне жизнь.

— Как это произошло?

— Однажды заигрался с ребятами в лото, наступил комендантский час, а мне домой — через все село. Пробирался огородами: темно, ноги по мокрой глине скользят, и почти дошел до своей калитки, как вдруг — яркий луч фонарика и резкий окрик: «Хальт! Хенде хо!» Это патруль, который из-за кудрявой шевелюры принял меня за еврея. «Думаю, надо расстрелять», — говорит один из солдат. Я им в ответ: «Я русский Иван», а они уже автоматы вскинули. Мама из дома выбежала и с плачем в ноги им кинулась. Ничего не помогает: ни мои объяснения, ни ее слезы. Тут прямо с крыльца к нам бросился Карл. В три прыжка одолев и двор, и палисадник, он закричал: «Это мой сын!» И патрульные, наверно, слегка опешив от неожиданности такого заявления, удалились, предварительно дав мне хорошего пинка под зад. (Удивительно, но всю эту сцену Иван Федорович пересказывал, чередуя немецкие и русские слова, ведь язык врага он выучил в оккупации.)

— А дальше?

— Весной 1944-го, когда нас освободили, всем моим одноклассникам пришли повестки, а мне нет — ведь восемнадцать еще не исполнилось. Тайком от мамы исправил год в свидетельстве о рождении и пошел вместе с друзьями в военкомат. Военком, посмотрев документы, удивился: «А что у тебя с цифрами?» Потом подумал и махнул рукой: «Здоровый парень, иди, сынок!» Так я из-за своего вида акселератского попал в артиллерию. Пушка образца 1896 года, расчет 7 человек и 4 кобылы — все это на целый год стало моей жизнью. В составе 694-го стрелкового полка 383-й отдельной пехотной дивизии Примор-

ской армии освобождал Севастополь, а потом Белоруссию и Польшу с 1-м Белорусским фронтом под командованием маршала Жукова.

— Рядовым бойцом?

— Нет, командиром артиллерийского расчета, но им я стал не сразу. Сначала нами командовал старший сержант Скряга, в свои тридцать пять он был нам, мальчишкам, за отца. И фамилию свою полностью оправдывал: хозяйственный человек. Мы когда из Крыма летом уходили через Перекоп, то на берегу Сиваша уже толстый слой соли лежал — Скряга и приказал собрать ее. Эти несколько пудов помогли потом прокормиться и в Белоруссии, и в Польше, где соль с начала войны никто в глаза не видел. Крестьяне за ее шепотку давали целую курицу. Еще он нас учил не ждать третьего залпа по оружию: сначала — недодел, потом — перелет, третий обязательно накроет. Его тоже накрыло, погиб старший сержант, и командиром стал я — самый молодой и самый грамотный, ведь семь классов за плечами было. Потом в Берлине уже под считали, что состав расчета за войну пополнился несколько раз: 18 бойцов были убиты, 37 ранены, 7 контужены. Такая вот военная арифметика.

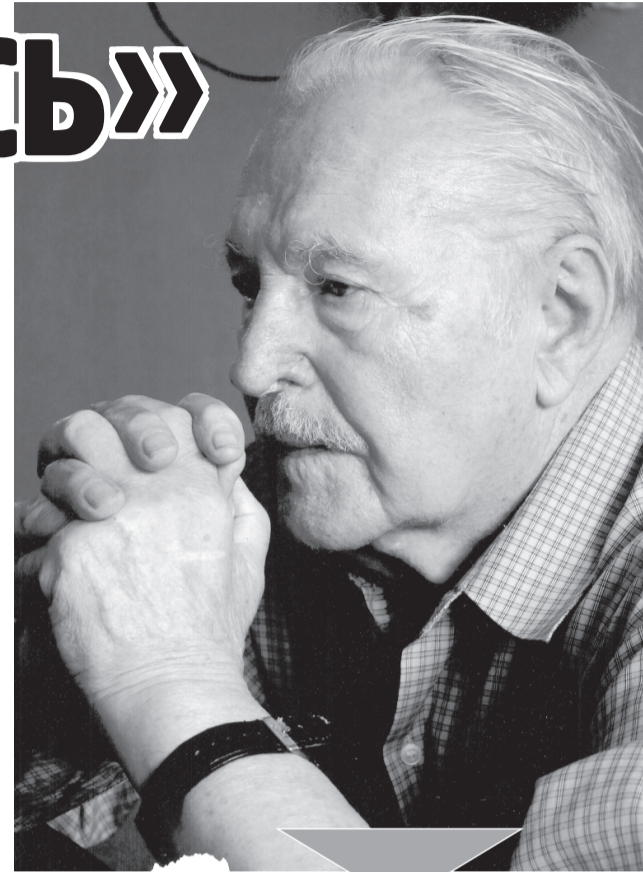
— Вас ведь тоже ранили?

— Да, уже в Берлине, правда, сначала чуть не расстреляли. Я был уже старшим сержантом, командиром и орденосцем. Орден Красной Звезды получил, когда расчет при штурме Зееловских высот подбил «фердинанда» — немецкое самоходное орудие, не дававшее пехоте подняться в атаку. Калибр у него 88 миллиметров, броня усиленная, а сам походил на огромный гроб на колесах. Казалось, что после этого боя нас уже трудно было чем-то напугать, но умирать в конце войны совсем не хотелось. Поэтому в Берлине, где из-за каждого угла грозила опасность, старались напрасно не рис-

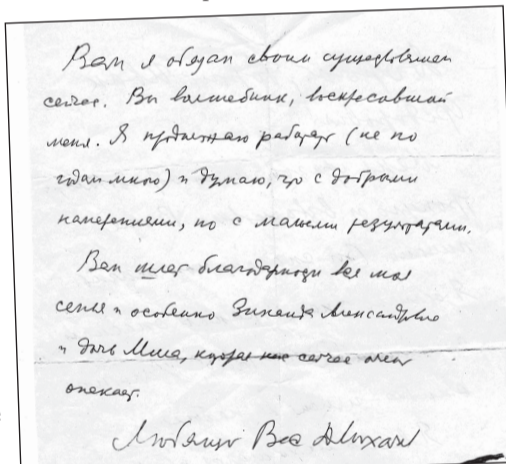
ковать. Огневую позицию на пересечении Фридрихштрассе и бульвара Унтер-ден-Линден выбрали с умом: вкатили пушку в пустой парфюмерный магазин так, что наружу только ствол выглядывал. Получилось, что и просмотр по пяти направлениям, и люди под защитой крепких стен. Правда, был один недостаток — сильный запах французских духов, которым мы все пропитались основательно.

— За выбор позиции похвалили?

— Именно за него расстрелять и хотели. Шел уже третий час ночи, мы, только обустроившись, думали отдохнуть, как вдруг — цокот подков по мостовой. Смотрим — это подполковник Попов из штаба на своей кобыле прискакал и сразу в крик: «Почему спрятались? Трусы! Срочно установить орудие впереди танков!

Участник Великой Отечественной войны Иван Федорович НОВИКОВ, с боями прошедший путь от Севастополя до Берлина, награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией» и 10 памятными медалями. В мирное время — хирург, кандидат медицинских наук, доцент кафедры урологии и андрологии Санкт-Петербургской медицинской академии последипломного образования, автор 6 монографий, более 200 научных статей, 12 учебных и методических пособий для врачей, двух запатентованных изобретений.

Письмо благодарности академика Дмитрия Лихачева хирургу Ивану Новикову.

Кто старший? Я приказываю!» — «А я отказываю, — говорю ему, — позиция выбрана правильно». Что тут началось! Он побагровел весь, парабеллум из кобуры рвет и еще громче орет: «Мальчишка! Под расстрел пойдешь за невыполнение приказа!» Закончить не успел: автоматная очередь под ноги гарцующей лошади быстро охладила его пыл. «Черт с вами! С такими и Рейхстаг не возьмешь!» — пробурчал он, удаляясь. Я обернулся, смотрю — а это мой расчет в полном составе и с автоматами. Позицию мы все-таки сменили, от греха подальше. Перетащили нашу пушку на квартал вперед и снова устроили ее в каком-то магазинчике. Здесь 26 апреля 1945 года меня и ранили.

— Тяжело?

— Стреляли из фаустпатрона — ручного гранатомета, я был контужен и получил осколочное ранение левого бедра с повреждением кости. В медсанчасти не было рентгена, поэтому осколки из ноги и головы вынимали наугад, да еще без обезболивания — ведь новокаина тоже не было. 1 мая меня прооперировали уже по всем правилам в госпитале в Дрездене, там и День Победы встретил. А ведь хотел попасть на парад на Красную площадь, все шансы были, так как отбирали орденосцев ростом выше 1,76 м. Скоро про свои мечты пришлось мне окончательно забыть: началась газовая гангрена. Нogu предложили ампутировать — не дал. Спасли ее хирург капитан Кузнецов и медсестра Зося, которая почти полгода выхаживала меня в госпитале.

— Это была любовь?

— Да, первая и настоящая, но будущего у нее не было: после демобилизации в октябре 1946 года я поехал к своим родителям в Симферополь, а она — к своим в Краков. Больше мы никогда не встречались.

— Как вы стали врачом?

— Случайно. Вернулся домой: 20 лет, грудь в медалях и семь классов образования. Его

нужно продолжать, но где? В городе три средних специальных учебных заведения — автомеханический и торговый техникумы, медицинское училище. Меня манила профессия геолога, но тут мама воспротивилась: «Куда ты с такой ногой по горам лазать?» Подал документы в училище. На первое занятие принарядился: шинель с иголки, хромовые сапоги сияют, вхожу в аудиторию, а там девчонки пятнадцатилетние вскакивают из-за парт — думали, что преподаватель пришел. Как-то сразу скучно стало, развернулся и вышел. А на следующий день целая делегация этих пигалиц домой явилась: «Иван Федорович, возвращайтесь!» Вернулся, окончил училище, а потом Крымский медицинский институт. Там и с женой своей будущей познакомился, оба получили красные дипломы, только у нее все пятерки, а у меня четыре... по военному делу. Правильно, ведь на фронте больше практики было, чем теории.

— Так как же было на той войне?

— Как говорится, «а-ля гер ком а-ля гер». Ничего хорошего в самой войне нет: это тяжелый повседневный труд, грязь, кровь, усталость, потери друзей. Но так случилось, что юность — самые лучшие годы человеческой жизни — у меня пришлась на нее, Великую Отечественную. А когда каждый день проживаешь как последний, то и ценить его начинаешь по-другому. Почему-то сейчас, через семь десятков лет, война вспоминается так отчетливо, как будто это было только вчера.

Иван Федорович Новиков за свою долгую жизнь сделал все, что полагается настоящему мужчине: построил дом, посадил дерево, вырастил сына, а еще он Родину защитил...

Беседовала Татьяна ВОРОНЦОВА
Фото из архива Ивана НОВИКОВА

Берлин, 1946 г.